

Сусанна Печуро: "Мы хотели разговаривать свободно".

Сусанна Соломоновна Печуро родилась в Москве в 1933 году. В старших классах школы вошла в подпольную молодежную организацию «Союз борьбы за дело революции».

В январе 1951 года все члены организации были арестованы. Трое человек - Борис Слуцкий, Владилен Фурман и Евгений Гуревич - были приговорены к расстрелу, остальные к разным срокам тюремного и лагерного заключения. 17-ти летняя Сусанна была приговорена к 25-ти годам исправительно-трудовых лагерей, которые она, пройдя через несколько тюрем, отбывала в Инте, Абези и Потье.

В 1956 году дело Печуро было пересмотрено, срок наказания снижен до 5 лет, и в 1956 году Сусанна Печуро была освобождена.

Окончила Московский историко-архивный институт, работала в архиве Древних актов, в институте Африки.

Многолетний член общества «Мемориал». Живет в Москве.

Я – Сусанна Соломоновна Печуро. Это моя фамилия девичья, и я её никогда не меняла.

Вся жизнь - это была школа. Надо сказать, что я была шибко идейной.

Мы себя уважали. Себя и своих учителей. И поэтому действительно учились, вот, с полной отдачей. Да нам и интересно было. Никаких вам телевизоров, ничего этого не было. Книги/ очень долго не было, вообще с книгами было очень плохо. Потом в доме напротив театра Вахтангова открыли детскую библиотеку. Очередь туда стояла донизу. Все дети района бегали туда. И когда кому-нибудь из нас попадала хорошая книжка, мы друг другу занимали место и передавали её друг другу. Пока библиотекари поняли, что она ходит всё время по одной школе.

И мы свою школу называли «демократическая». Потому что в нашу школу брали. И, кроме того, тогда ввели школьную форму, и очень много семей не имели возможности купить школьную форму для своих детей. И, вообще, собрать их в школу. И тогда мы делали это сами. У нас был школьный совет. А ещё, а у меня был Дом пионеров помимо всего прочего.

А у нас был литературный кружок. Очень хороший, очень/. Нас плохо учили. Но мы учили друг друга. Главное, мы все были вместе, мы все очень дружили, мы все друг друга очень любили. Но, воспитатель/, наша руководительница как раз была одной из тех, которая на нас донесла.

И мы сказали, что с нас хватит. И стали заниматься сами. И с этого началась наша организация.

И мы хотели разговаривать свободно о том, что, вообще, нас волнует, что происходит в стране. Потому что всё-таки про тот же самый космополитизм мы знали. Про новую волну репрессий мы знали. Ну, жили-то среди людей. И мы ушли к Борису. Потому что Борис был, помимо того, что он жил один, он был абсолютно не по годам образованный человек. Очень много читал. Хорошо знал марксизм, например. Просто всё успел перечитать.

И тут оказалось так, что больше, чем всякие этюды, мы разговариваем о жизни. И разговариваем о том, что всё как-то, вот, мы все читали Ленина. «Государство и революция» была наша настольная книга. И что то, что делается, с принципами ленинскими, с принципами «Государства и революции» не совпадает ни в чём. Что всё это просто искажено, всё не так. А потом? Ну, потом мы читали «18-е Брюмера» Луи-Бонапарта и так далее. Всё это. И тогда впервые Борис сказал, что это похоже на бонапартизм. И потом, ну, такие вещи, как почему, например, как живёт деревня. Что такое, что такое волна репрессий, вот, прежних лет. Что такое национальная политика, как она выглядит у нас. Депортация и прочее. Коллективизация. О коллективизации мы знали мало. Это потом уже я в лагерях узнавала.

Мои улеглись спать. Вся моя семья, кто на чем. А я села в угол, как всегда. У нас так стол стоял. И в углу стоял сундучок с моими учебникам, тетрадями и прочее. И я сидела всегда на этом сундучке, вот здесь на этом углу я занималась. Стала читать и конспектировать статью Ленина о Соединённых Штатах Европы.

Вдруг звонок в дверь. Топот, грубые голоса какие-то. И пошли по комнатам. И каждая семья думала, что это что-то у них. И последними зашли к нам. Значит, всем сказали, никому не выходить из квартиры. Зашли к нам. Подошёл ко мне опер, главный из них, и это был--- Блинов. Никитин/, Скороходов, Блинов и Никитин. 3 человека. И положил передо мной ордер. «Подпишитесь». Ордер на обыск и арест. И он меня заслонил собой, потому что вот такой уголок. И я говорю, подписываю и говорю: «Скажите родителям, что только обыск. Не говорите про арест. Я их подготовлю». Он так отшатнулся и говорит: «Ты что, пони/, знаешь?». Я говорю: «Знаю». Он не сказал им, что арест, он сказал, что обыск. Начался обыск. Подняли всех, даже четырёхлетнего братишку. Подняли. Брат плакал на руках у мамы, махал рукой и кричал: «Пусть эти дяди уйдут». А мама ему затыкала рот, плакала... Обыск шёл до приблизительно 4-х часов ночи. Позабирали они невесть чего.. Художественную литературу, которая почему-то чем-то им казалась. Но, больше всего их, конечно, заинтересовала книга Рида «10 дней, которые потрясли мир». «А-а-а!» И один говорит другому: «Ты гляди, англичанин, а писал про Троцкого». Я говорю: «Американец». «Во, про Троцкого писал, а она тут это читала». А я говорю: «А вы посмотрите, чьё предисловие». Он посмотрел, говорит: «Хм, Крупской. Чего бы это? Ну, ладно, клади». Положил в мешок.

У меня один экземпляр--- этого, программы они взяли, а у меня два. И один, я могу что угодно врать. Но, если два? А второй лежал там, где книжки лежали. В сундучке. И они начинают из сундука выбрасывать, значит, учебники и тетради, и я начинаю верещать: «Что ж вы делаете! Мне завтра в школу! У меня контрольная! Что вы делаете с учебниками! Вот, вы обложки портите...», и прочее. Я беру то, что они проверили, складываю аккуратно, кладу, значит, в одну пачку. Они смотрели, смотрели, им это надоело. И тогда, пока они там разбирались, я вытащила из-под той пачки программу и спрятала под проверенное. Вот они её и не нашли. И тогда я подумала, что всё не так плохо. Если их так легко обмануть, если они такие олухи... А--- Никитин.... полный, немолодой человек. Он ползал, вытаскивал из нижнего ящика комода бельё и говорил моему отцу: «Собачья же работа-то у нас. Ведь, вот, ползай, ползай там. И ночь не спишь». Это, как отец говорил: «Да, конечно, трудная у вас работа».

Вот, всё, что попало под руку, насовали, получился мешок. Все фотографии. Вот фотографии, где дети, всё забрали. Вот. И... говорят: «Так, пойдёшь с нами». Мать: «Куда!? Чего?», отец: «Не кричи, не кричи, они разберутся. Это же наша власть». Я говорю: «Да, да, да. Они разберутся. Я приеду обратно, вот увидите, вы не волнуйтесь». Они говорят: «Одевайся». А я была в халате. Я пошла за занавеску, надела платье, сняла комсомольский значок. И вдруг я в этот момент поняла, что я никогда сюда не вернусь. И очень захотелось взять что-нибудь на память. А на этой тумбочке лежала вот такая маленькая куколка. Ребята надо мной всегда смеялись, что я в куклы продолжаю играть уже в 10-ом классе. Действительно, очень любила куклят. Вот, маленькая куколка. Я её взяла. И они это увидели. Как они кричали: «Ты что здесь детский сад устраиваешь, положи немедленно!» То есть, мне кажется, что в это время им стало просто не по себе. Забирают человека, который берёт с собой куклу. Сказали матери: «Дайте ей пальто. Валенки какие-нибудь есть старые? Дайте ей валенки. Положите какой-нибудь еды самой простой». Я говорю: «Да зачем, чего?». «Давай, давай. Платок есть какой-нибудь?». Она достала бабушкин старый платок. «Так. Замотайся. Надевай пальто. Валенки надевай. Пошли». И в коридоре, когда мама ко мне кинулась, я ей говорю: «Мама, ты не плачь. Всё обойдётся, обойдётся». И говорю ей тихонько: «Мама, кто будет спрашивать, где я, всё расскажи. И сделай уборку». Мама так отшатнулась, поняв, что я говорю. «Сделай уборку». «Хватит разговаривать». Всё, вниз и в машину.

Через две недели перевели в Лефортово. Вот там началась настоящая тюремная жизнь. Страшная. С бесконечными ночными допросами. С неделями без сна. С тем, что теряешь сознание, теряешь вообще всякую ориентацию, потому что всё уже, ничего больше не остаётся. С тем, что ведут по коридорам, стучат об пряжку, и тебя поворачивают к стенке. Ну, минута. И вот эту минуту спишь. Сажу на допросе. Он задаёт вопрос. Он пока записывает, я сплю. Он кричит: «У тебя нервы железные». «Ну, да». Одиночка, одиночка, одиночка, одиночка. Вот это пошло следствие. Потом переводили на Лефо/, Лубянку, привозили обратно.

Вот. А потом был суд. Дали обвинительное заключение совершенно дикое. Где чего только не было. А потом было 7 дней суда. Семь дней. Сидело 3 пожилых человека. Конвоир за каждым из нас. Разумеется и ни обвинителя, ни защиты,

никаких свидетелей. Суд в подвале той же самой, того же Лефортово. И приговор.

И когда ребятам объявили высшую меру, все стали кричать и плакать. Девчонки особенно. И кто-то сзади кричал: «Пишите на помилование, пишите, просите помилования!». И Женя обернулся и сказал: «Мы не будем писать, просить помилования». Я знаю, что они не писали о помиловании. Отказались. А остальным... троим из нас дали по 10 лет. Моей несовершеннолетней сестре, которая ни в чем и не участвовала. И ещё двоим, Тамаре Рабинович, которая ни в чем не участвовала, и Гале Смирновой, которая тоже практически ни о чем не знала. Замечательная формулировка: «За отсутствием состава преступления - 10 лет».

Вот. А попала я в Инту, на пересылку Интинскую/.

Первый лагерь, как первая любовь, никогда не забывается. Вот сколько меня потом мотали куда угодно, вот, Интинский, этот 5-й ОЛП. Вот остался олицетворением всего. И всего страшного, а самого главное – всего хорошего. И вот тех самых людей, без которых я, вообще, бы/, ну, и вообще бы ничего не было. Которых я до сих пор, вот, так люблю и понимаю, что ну, всё было бы не так, если бы я с ними не встретила.

А, ну, первый раз, когда меня вызвали прямо из лагеря, кстати, в этот день я себе киркой поранила ногу. Поэтому вот в таком вот виде я ещё ехала. А это были очень тяжелые работы. Это была земляная работа. То есть мы должны были--- этой самой--- киркой разбивать мерзлоту, накладывать на носилки и нести за 300 метров. Там всё это складывать, утрамбовывать. Когда это всё там замерзло, мы должны были делать всё там и нести сюда обратно. И как говорил наш начальник: «Мне не нужна ваша работа, мне нужны ваши мученья».

Вот. И с этой работой у меня связаны два таких воспоминания для меня важных.

Первое. Мы тащим эти носилки с девочкой литовкой. У неё сломана рука. Я как-то в этот день, ну, всё плывёт. И мы возвращаемся. А накладывали мы по очереди. Один накладывает, другой, хотя бы в это время, отдыхает. И я смотрю, она накладывает на свою сторону носилок. И первая мысль, совершенно подлая: «Ах, как хорошо, мне будет легче». А вторая: «Господи, как же я могу». Я ей говорю: «Что же ты делаешь? У тебя же рука болит. Ты клади в середину». Она мне говорит: «Ну, тебе сегодня совсем плохо. Завтра будет плохо мне, ты сделаешь также».

И другая. Со мной в паре француженка. Маленькая, худенькая француженка. Луиза Лендель. 25 лет за измену родине. Чего? Она с мужем, с годовалым ребенком приехала в Россию. Муж - инженер. Какой-то контракт заключил на работу. И муж через год умер. И она решила возвращаться во Францию, естественно. Гражданка Франции. Подала заявление, что она с ребёнком просит, вот. Её посадили, ребёнка отобрали. Ей дали «измену родине». Она всё никак не могла понять, какой родине она изменила. Ребёнка она так и не нашла. И вот, когда мы с ней шли с носилками, она чего-то всё время напевала. А я французского не знала. Я попросила, чтобы мне перевели. Оказывается песенка была такая: «Если ты никогда не был в Париже, то садись на самолёт, пароход или поезд. И ты узнаешь, что нет на земле места прекраснее Парижа». Вот она тоже умерла при мне. Эта Луиза. Так и не найдя своего ребёнка.

И потом, когда нас взяли, надо сказать, что всю нашу школу без конца таскали. Учеников, учителей. Я потом читала все эти материалы. Не было ни слова против нас сказано. А, ведь, в общем-то, люди понимали, кто мы и что мы. Никто ни слова плохого. А наша классная руководительница, Надежда/, Екатерина Николаевна Неустроева, сестра того Неустроева, который знамя поднимал над рейхстагом. Она всю войну прошла. Она была такая очень партийная женщина. Она дала такую характеристику мне, что прямо как к званию героя Советского Союза присваивать с такой характеристикой. Ведь, никто из них не испугался. Их спрашивали о их учениках. Они учеников не предавали. Ни учителя, ни товарищи по классу. Вот такая была школа.

Сценарий:

Алена Козлова, Ирина Островская (Мемориал - Москва)

Оператор:

Андрей Купавский (Москва)

Монтаж:

Себастьян Присс (Мемориал - Берлин)
Йорг Сандер (Sander Websites - Берлин)

© **Международный Мемориал 2012**